

Op 84
Г 42

ГОСТИНЫЙ ДВОР

К двухсотлетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

Op 84
Г- 42

№ 6

ГОСТИНЫЙ ДВОР

84(2Рос-Рус)6я43
+ Op O

Литературно-художественный и общественно-политический альманах

9-2-257016
80

Оренбургское книжное издательство
1999

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Юрий Зобов

«Я по совести исполнил долг историка...»

Юрий Спиридонович Зобов родился в 1934 г. в п. Саракташ Оренбургской обл. Окончил Оренбургское педагогическое училище, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (исторический факультет). Кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, заслуженный работник Высшей школы РФ. Автор более 240 опубликованных трудов по истории Южного Урала. Лауреат Уральской премии им. В. П. Бирюкова и премии им. К. Д. Ушинского. Член редколлегии энциклопедии «Оренбуржье».

В начале 1833 г. Пушкин решил заняться историей восстания Пугачева. В течение короткого времени — за несколько месяцев — Пушкин изучил массу архивных и литературных источников и уже в мае того же года подготовил первоначальный вариант «Истории Пугачева». Видя, однако, незавершенность его, поэт почувствовал необходимостью своими глазами увидеть места, связанные с крестьянской войной 1773-1775 гг., а главное, встретиться со старожилами — очевидцами и, возможно, участниками восстания, чтобы через них уяснить для себя иной взгляд на эти события.

ПОЕЗДКА В ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ

Получив «высочайшее» разрешение на поездку в Казанскую и Оренбургскую губернии, Пушкин 17 августа (ст. ст.) покинул Петербург и отправился на восток. В течение полутора месяцев ему предстояло на почтовых лошадях проехать около трех тысяч верст по маршруту: Москва — Владимир — Нижний Новгород — Казань — Симбирск... Ехал он быстро, нередко не только днем, но и ночью. Его сопровождал камердинер Г. Калашников, который не столько облегчал тяготы дорожной жизни, сколько прибавлял хлопот, о чем можно судить по письму Пушкина к жене: «Одно меня сокрушает: человек мой... глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные ябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом».

После Симбирска*, переправившись на левый берег Волги, путешественник направился к границам Оренбургской губернии. Уточнить дальнейшую часть маршрута позволяет хранящаяся в Центральном государствен-

* Пушкин «14 числа выехал из Симбирска к Оренбургу, но возвратился с 3-й станции: заяц перебежал ему дорогу, и Пушкин, верный предрассудку, не решился продолжать своего пути. Только 18 сентября он прибыл, наконец, в Оренбург». «Труды ОЯК», вып. VI, 1900.

ном военно-историческом архиве (ЦГВИА) карта Оренбургской губернии 1831 г. Обозначенная на ней «Большая почтовая дорога» от Самары на Оренбург шла на пригород Алексеевск, затем по правому берегу Самары через Мочинскую слободу, Борскую крепость. Переправа через Самару была не у Алексеевска, как считает Ю. Л. Славянский, а у Борской. Далее путь лежал через Заплавную, Елшанскую, Бузулук, Погромное, Тоцкую, Кирсановку, Сорочинскую, Бурдыгино, Воробьевский умет, Новосергиевскую, Переволоцкую, Татищевскую, Рычковский, Черно-реченскую и, наконец, Оренбург.

Именно этой дорогой и ехал в середине сентября А. С. Пушкин.

Повторим мысленно этот путь и попытаемся представить, каким было тогда наше Оренбуржье и что, какие его достопримечательности и особенности могли привлечь внимания великого поэта.

Без сомнения, не мог пройти незамеченным Бузулукский бор, жемчужина оренбургской природы. Миновав его, дорога пролегла по бескрайним степям, «сыртам», лишь иногда перемежающимся лесами по речным долинам.

Если предположить, что, собираясь в путь, Пушкин интересовался местами, по которым ему предстояло ехать, то об Оренбургской губернии он мог узнать следующее. Губерния, образованная в 1744 г., после ряда административных изменений располагалась в 30-х гг. XIX в. на площади в 339 447 кв. верст и состояла из 12 уездов: Бузулукского, Бугурусланского, Бугульминского, Бирского, Белебеевского, Верхнеуральского, Мензелинского, Оренбургского, Стерлитамакского, Троицкого, Уфимского, Челябинского. Это вся современная Оренбургская область, Башкирия, часть Татарстана, Челябинская и часть Самарской области. На этих пространствах проживало тогда 1,7 млн. человек. Плотность населения была намного ниже, чем во внутренних губерниях, причем сохранялось еще много неосвоенных плодородных земель, но уже шел процесс их интенсивного заселения.

Основу экономики составляло сельское хозяйство, в котором было занято свыше 95 процентов населения. Пахотные земли занимали более 4 млн. десятин, не считая каза-чых и башкирских земель, среднегодовые

сборы зерна составляли 80-100 млн. пудов. О значительном развитии скотоводства свидетельствуют официальные данные, согласно которым в 1833 г. в губернии насчитывалось 6,2 млн. голов скота (по 3,6 головы на душу населения).

Промышленность была представлена 24 горными заводами, дававшими в год 980 тыс. пудов чугуна, 714 тыс. пудов железа, 50 тыс. пудов меди, Илецким соляным промыслом (1,5 млн. пудов соли) и мелкими предприятиями по переработке сельскохозяйственного и природного сырья: суконными, салотопенными, мыловаренными, кожевенными, винокуренными, кирпичными, поташными, деревообрабатывающими и пр.

Важную роль в жизни губернии играла торговля с киргизами (казахами) и со Средней Азией, осуществлявшаяся через меновые и гостинные дворы Оренбурга, Орска, Троицка и достигавшая объема более 3 млн. руб. среднегодового товарооборота.

Яркой особенностью края был крайне неоднородный социальный и национальный состав его населения: русские, украинцы, татары, башкиры, казахи, калмыки, чуваш, мордва и др., крестьяне различных категорий (государственные, помещичьи, удельные, заводские), казаки...

Городское население, сосредоточенное в 14 городах края, было малочисленным и составляло около 1,5 процента от общего числа всех проживающих в губернии.

Первым сравнительно крупным населенным пунктом, встретившимся Пушкину, был Бузулук, основанный за столетие до того времени, в 1736 г. О том, как выглядел город в 30-е гг. XIX в., можно судить по следующему статистическому описанию: «Строение в городе почти все деревянное, кроме острога и присутственных мест, кои каменные; церковь одна, деревянная, и до 400 обывательских домов. Число жителей простирается до 1000 душ мужского пола... Вся промышленность города заключается в двух небольших кожевенных заводах». Ежегодно с 1 по 7 октября в городе устраивалась ярмарка, на которую съезжались купцы из Тулы, Шуи, Самары, Бугуруслана, Оренбурга, крестьяне окрестных селений. На ярмарке, отмечал современник, «торг бывает порядочный и народу собирается до 3000 человек».

Бузулук являлся центром одного из самых крупных уездов губернии — Бузулукского, в котором числилось тогда шесть крепостей, две слободы, 16 сел, 44 сельца, 104 деревни и 23 калмыцких зимовья. Жило здесь в 1833 г. около 75 тыс. человек. Основную часть составляли крестьяне (государственные — 45 тыс., помещичьи — 19 тыс., удельные — 3 тыс.), казаков насчитывалось 6 тыс.

«Крестьяне сего уезда, — отмечалось в том же статистическом описании, — равно казаки и отставные солдаты занимаются немалым хлебопашеством; хлеб отвозят для продажи в город Уральск, где покупают рыбу и икру, развозят и продают оную в разных местах; равным образом занимаются скотоводством, от которого получают немаловажные выгоды».

Промышленность уезда пребывала в зачаточном состоянии: три винокурных заводов и одна суконная фабрика, принадлежавшие помещикам.

В уезде было сравнительно много помещичьих имений. Выделялись владения Державиных, Карамзиных, Ждановых, Шишковых, Булгаковых, Путиловых, некоторых других. Но располагались «дворянские гнезда» преимущественно к северу от Бузулука, в стороне от пути следования Пушкина.

Широкую огласку получили в те годы бесчеловечные порядки, введенные бузулукскими помещиками Племянниковыми: свои крепостные селения они превратили в настоящие тюрьмы, из которых крестьяне даже выйти не могли без разрешения барина. Помещик, «будучи нетрезвой жизни, производит крестьянам своим жестокие наказания всегда безвинно, приковывает их за шею на несколько суток на железную цепь к стене и, налагая железные рогатки и колодки, производит побои, употребляет крестьянских детей на охоте вместо гончих псов», — отмечалось в следственных материалах по этому делу.

Подобные факты были характерной чертой крепостнической действительности Оренбуржья. Не случайно, что в крас, где некогда бушевал пожар крестьянской войны, и в пушкинские дни нередки были волнения помещичьих, заводских и государственных крестьян. По самым приблизительным подсчетам, за первую треть XIX в. в губернии произошло свыше 70 народных выступлений, из которых 24 были подавлены воен-

ной силой. А на следующий после приезда Пушкина год здесь начались волнения среди государственных крестьян. Их выступление в 1834-1835 гг., как отмечал академик Н. М. Дружинин, «приняло форму настоящего восстания и заставило николаевскую администрацию вспомнить о далеких временах грозного Пугачева».

Другой характерной приметой социально-экономической жизни того времени и тех мест, по которым проезжал Пушкин, был большой поток переселенцев из центральных губерний. Они вереницами тянулись по дорогам, ночевали в степи под открытым небом, подолгу скитались в поисках пристанища и окончательного водворения. Картины этого, вне всякого сомнения, наблюдал и Александр Сергеевич.

Показательно, что четыре года спустя, в июне 1837 г., поэт В. А. Жуковский, проехав Бузулукский уезд, записал в дневнике: «Удвоенное население уезда от переселенцев, коих состояние бедственное». По данным губернской канцелярии, с середины 1820-х гг. по январь 1833 г. в губернию переселилось более 120 тыс. человек из 20 губерний. В 1833 г. только в один Бузулукский уезд прибыло 9947 душ мужского пола из Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Курской и других губерний.

Не получая подолгу законного водворения, переселенцы самовольно селились на казачьих землях, которые были тогда еще слабо освоены и в значительной мере пустовали*. Такое вынужденное самоуправство нередко приводило к спорам и столкновениям с местными властями и старожилками. В начале 1830-х гг. власти безуспешно пытались согнать с земель Тощкой станицы переселенцев, основавших здесь деревню Кирсановку. В 1832 г. группа удельных крестьян из Пермской губернии была предана суду за самовольное занятие казачьих земель Перволоцкой станицы. Воронежские переселенцы поселились в деревне Алексеевке при реке Камыш-Самара на земле казаков Татищевой крепости, но казаки стали нападать на крестьян, отбирать урожай, требовать их выселения...

* Так, в пользовании казаков Тощкой крепости при сравнительно небольшом числе жителей (352 души муж. пола) находилось 35 тыс. десятин. Подобное положение вещей было типично для казачьих станиц.

Ко времени посещения А. С. Пушкиным Оренбургской губернии здесь еще свирепствовала эпидемия холеры, поразившая край с лета 1829 г. по осень 1833 г. От эпидемии пострадало множество селений, в том числе и те, через которые проезжал Пушкин. Так, в крепости Сорочинской в 1833 г. холера, продолжавшаяся с 14 августа по 5 сентября, вызвала гибель 59 человек.

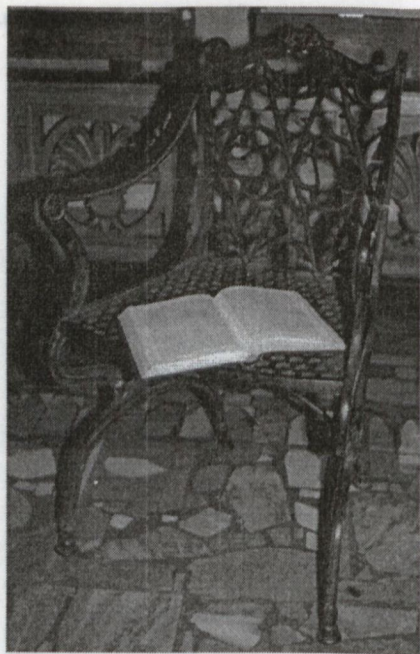
К эпидемии добавился неурожай 1832 г. От засухи и сильной жары хлеба не уродились, травы выгорели. В зиму 1833 г. начался голод. Он особенно тяжело отразился на положении беднейшей части крестьян и переселенцев. Многие «переходцы приходят в бедность и разорение и нуждаются в продовольствии хлебом», — призывал чиновник губернской администрации.

Везде, где останавливался А. С. Пушкин, он искал встреч со старожилами, помнившими о времени Пугачева, записывал их рассказы, предания и песни...

Исследователями выяснено, что Пушкин задержался в Сорочинской крепости для кратковременного отдыха и смены лошадей. Здесь ему был представлен 86-летний казак Иван Ларионович Попков (у Пушкина в записной книжке: *Патков*), очевидец событий Пугачевского восстания. «Бунтовщики 1771 года, — записал с его слов Пушкин, — посажены были в лавки Менового двора. Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик, — садясь в телеги, они говорили при всем торжище: «То ли еще будет? Так ли мы тряхнем Москвою?» — Молчать, курвины дети, — говорили им оренбургские казаки, их сопровождавшие, но они не унимались». Этот эпизод Пушкин включил в первую главу «Истории Пугачева» и в повесть «Капитанская дочка».

Миновав Новосергиевскую (была основана Татищевым и первоначально называлась «Тевкелев брод»), Пушкин был уже в пределах Оренбургского уезда.

После Переволоцкой дорога резко сворачивала на Татищеву крепость, расположенную на правом берегу Урала при впадении в него Камыш-Самары. Крепость была заложена летом 1736 г. первым начальником Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым и названа им Камыш-Самарской крепостью. Премник Кирилова В. Н. Татищев довел до кон-

Чугунное кресло. Каслинское литьё, XIX в.
По преданию, 12 таких кресел были в саду на даче у оренбургского военного губернатора В. А. Перовского

ца возведение крепостных сооружений и дал крепости свое имя.

В Татищевой, где сходились дороги на Оренбург, Уральск и Самару, Пушкин побывал дважды: по пути в Оренбург и проездом из Оренбурга в Уральск. Поэт прекрасно понимал значение событий, разыгравшихся под Татищевой. Здесь, 27 сентября 1773 г., на начальном этапе восстания, отряды Пугачева наголову разбили правительственные войска под командованием бригадира Х. Билова и штурмом овладели крепостью, устранив тем самым последнюю серьезную преграду на своем пути к Оренбургу. Спустя шесть месяцев здесь же, под Татищевой, Пугачев потерпел тяжелейшее поражение от войск генерала П. М. Гюлицына, что вынудило его снять осаду Оренбурга и увести остатки своих отрядов в Башкирию.

Как полагают многие исследователи (С. А. Попов, Н. Е. Прянишников и др.), именно Татищева и Нижнеозерная послужили прообразом описанной в «Капитанской дочке» Белогорской крепости. Это тем более ве-

роятно, если предположить, что, проезжая из Оренбурга в Уральск, за Татищевой (у современного села Чесноковка) Пушкин мог видеть Белые горы — холмы с выходами меловых отложений.

В Татищевой Пушкин разговаривал с 80-летней казачкой Матреной Дехтяревой (Дегтяревой) и с ее слов записал рассказы о печальной участи жены коменданта Нижнеозерной крепости Елизаветы (Лидии) Харловой и ее брата, о расправе повстанцев над комендантом Татищевой крепости отцом Харловой полковником Елагиным и о казни по приказу Пугачева одного казака за пьянство и атамана Татищевой крепости за утайку сведений о наличии продовольственных запасов.

Небезынтересно заметить, что в окрестностях Татищевой сохранился участок старого почтового тракта и тот мост, по которому проезжал Пушкин. Нынешние жители села Татищева бережно собирают сведения по истории своего родного края, о пребывании Пугачева и Пушкина, о чем свидетельствует созданный при местной школе краеведческий музей. Они даже показывают место, где «состоялась дуэль» Гринева и Швабрина.

После Татищевой на пути следования находился поселок Рычковский. Пушкин, несомненно, обратил на него внимание (хотя и проехал его, скорее всего, вечером), ибо само название свидетельствовало о связи его с первым исследователем Оренбургского края Петром Ивановичем Рычковым. И действительно, именно П. И. Рычков основал здесь свой хутор на пожалованной ему земле (25 десятин пахотной земли и 30 десятин сенокосов). В указе губернской канцелярии от 12 июня 1746 г. объяснялось, что участок нарезан ассессору Петру Рычкову ради заведения между крепостями Чернореченскую и Татищевую хутора для приюта проезжающих.

Следующий пункт пушкинского маршрута — Чернореченская крепость, основанная примерно в те же годы, что и Татищева. В 1742 г. в крепости насчитывалось 30 изб, 9 землянок и проживало 153 жителя. К моменту посещения ее Пушкиным она, как, впрочем, и многие другие укрепленные пункты Оренбургской пограничной линии, уже утратила значение военной крепости и была обыкновенным казачьим селением...

В понедельник, 18 сентября, Пушкин подъехал к Оренбургу и у Маячной горы переправился на пароме¹ через быструю и многоводную тогда Сакмару (моста еще не существовало). В 9-10 часов утра, как полагают ряд исследователей, он был принят военным губернатором В. А. Перовским.

Каким же предстал взору поэта наш город, что могло привлечь его внимание? Прежде всего, упомянутая уже Маячная гора, на которой в те годы находились казенные каменоломни и дача наказного атамана Оренбургского казачьего войска, а во времена пугачевской осады — дозоры и пикеты повстанцев. У подножия и на склонах ее происходили стычки и сражения пугачевцев с правительственными войсками, из которых наиболее значительные случились 13 ноября 1773 г. и 13 января 1774 г., окончившиеся успехом повстанцев.

На месте, где сейчас 2-я городская больница, тогда находился загородный дом военного губернатора, окруженный садом, — здесь, как считают, поэт и остановился у своего давнего знакомого Василия Алексеевича Перовского. Неподдалеку располагался военный госпиталь, главный корпус которого был заложен в 1830 г. Утверждение некоторых авторов о том, что Пушкин при въезде в Оренбург якобы любовался Караван-Сараем, явно ошибочно, т. к. его строительство было начато спустя четыре года после пребывания здесь поэта.

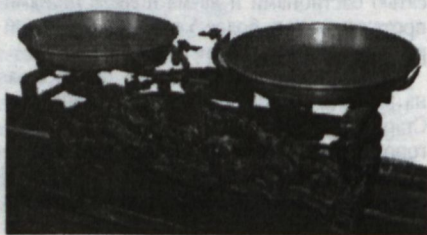
От загородного губернаторского дома в город вела дорога, обсаженная деревьями; проехав по ней, путник через каменный мост над сухим рвом и главные, Сакмарские ворота попадал в крепость.

Основанный на нынешнем месте в апреле 1743 г., Оренбург в начале 30-х гг. все еще продолжал считаться военной крепостью 2-го класса и сохранял крепостные укрепления: земляной вал с четырьмя воротами, десятью бастиянами и двумя полубастиянами протяженностью более 5 верст и безводный ров вдоль вала с внешней стороны.

Вне крепости располагались предместья: на востоке казачий форштадт, на западе — Старая (Солдатская, Толубиная) слобода. В городе, являвшемся военным центром края и резиденцией военного губернатора, насчитывалось тогда 10 466 жителей и 1560 домов.

Размеры города были невелики. Владимир Иванович Даль, живший в те годы в Оренбурге, отмечал, что с каждого перекрестка во все четыре стороны хорошо виден крепостной вал. В. И. Даль прибыл в Оренбург при содействии В. А. Жуковского нездолго до описываемой поездки Пушкина и стал чиновником по особым поручениям при военном губернаторе Перовском, назначенном на этот пост весной того же года. Даль стремился всячески содействовать успеху пушкинского путешествия. Он знакомил поэта с городом и краем, показывал ему наиболее важные достопримечательности, прежде всего те, которые были связаны с пугачевским восстанием, и среди них, вне сомнения, — огромный, четырехугольный в плане Гостиный двор, расположенный в самом центре города (здесь в 1772 г. содержались под стражей активные участники восстания яицких казаков, а весной и летом 1774 г. — пугачевские повстанцы, здесь их допрашивали, пытали, судили, подвергали наказаниям, а некоторых, в том числе А. Т. Соколова-Хлопушу, казнили).

Пройдя по главной, Губернской улице к ее началу на набережной Урала, путешественник непременно должен был обратить внимание на «бухарскую» сторону (противоположный, левый берег реки) и зеленый остров среди бескрайних степей: Зауральную рощу, уподобленную в конце 20-х гг. английскому парку — с тенистыми аллеями, беседками, мостиками. Правее ее различалась громада кирпичного четырехугольного здания — Менового двора, главного оплота русско-азиатской торговли. В статистическом описании Оренбурга, составленном в 1843 г. по случаю 100-летнего юбилея города, отмечалось, что «главный предмет занятия оренбургского купечества есть торговля на Меновом дворе с пребывающими в оный бухарцами, хивинцами и киргизами...».

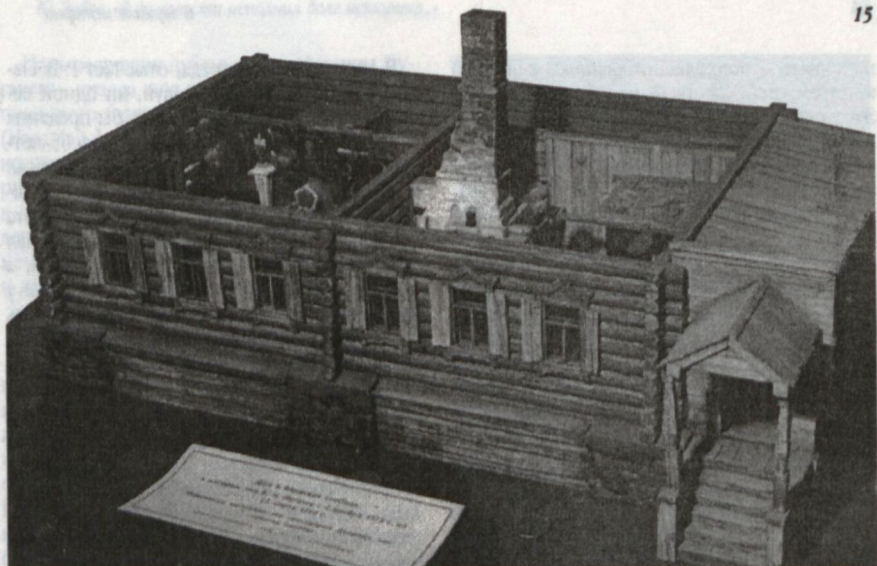

В 30-е гг. объем товарооборота в Оренбурге составлял 3,4 млн. рублей. Отсюда в страны Востока шли хлеб, кожи, ткани, изделия из металлов (самовары, иглы, котлы и т. п.), сюда — хлопок, шелк, ковры, халаты, кашмирские шали, сухофрукты, скот и пр. Пребывание в Оренбурге восточных купцов, в их ярких живописных одеяниях, с разноречью, было бесспорной достопримечательностью города. Несомненно, их наблюдал и Пушкин, — известно, что начиная с июня, в Оренбург в том году один за другим прибыли три больших каравана (в 496, в 700 и в 250 верблюдов) и оставались в городе до октября. При взгляде на восток с крепостного вала открывался вид на казачью слободу — форштадт, где среди низких изб возвышалась знаменитая Георгиевская церковь, построенная в 1756-1766 гг. на средства оренбургских казаков, с паперти которой пугачевцы стреляли из пушек по крепости. В. И. Даль в своих воспоминаниях писал, что он «толковал» Пушкину, «сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугачев поднял было пушку, чтобы обстреливать город, — на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву».

Но центральным событием двухдневного пребывания Пушкина в Оренбурге, несомненно, явилось посещение им Бердской слободы, находившейся в ту пору в 7 верстах к северу от города на берегу Сакмары.

Интерес поэта к Бердам вполне понятен. Ведь именно здесь во время осады Оренбурга находилась ставка Пугачева, возникла и действовала повстанческая Военная коллегия. В доме бердинского казака К. Ситникова были устроены «государевы палаты», где жил Пугачев. В слободе и ее окрестностях размещались главные силы повстанцев, пытавшихся взять Оренбург, формировались и отправлялись отряды в различные концы обширнейшего края. Здесь составлялись «царские» указы и манифесты, обещающие народу свободу, освобождение от повинностей. Жители слободы, по свидетельству современника событий П. И. Рычкова, еди-

Весы. Литъѣ, XIX в.
До сих пор имеются во многих домах
Оренбурга и Соль-Илецка

нодушно перешли на сторону Пугачева, «все были ему приклонны». Не случайно в повести «Капитанская дочка» автор назвал Берды «мятежной слободой» и посвятил ей целую главу (одиннадцатую).

Пушкин посетил Бердскую слободу 19 сентября, на другой день пребывания в Оренбурге, в сопровождении В. И. Даля и директора Оренбургского Неплюевского военного училища К. Д. Артюхова. О результатах этой поездки он писал жене: «В деревне Берды, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я счастливый случай — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит то время, как мы с тобой помним 1830 год (год помолвки — ЮЗ.). Я от нее не отставал, виноват: и про тебя не подумал. Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и потом к тебе с добычею».

По достоверному свидетельству В. И. Даля, они с Пушкиным приехали в Берду, когда «пора была рабочая, казаков ни души не было дома, но мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с ней целое утро».

Беседа Пушкина с бердинской казачкой в точности восстановлена кропотливым поиском исследователей С. Н. Севастьянова, С. А. Попова и Р. В. Овчинникова. Установлено ее имя — Ирина Афанасьевна Бунтова, точный возраст (73 года), уточнены некоторые факты ее биографии, проанализирова-

«Золотые палаты» в избе казака Ситникова в Бердах, где располагался штаб Пугачёва во время осады Оренбурга 1773 г.

но содержание ее рассказов о «пугачевщине».

И. А. Бунтова, хранившая в памяти немало народных преданий и песен, рассказала о якобы зарытом Пугачевым кладе на Гребенской горе, спела песни о Пугачеве, в которых сквозило явно сочувственное отношение народа к предводителю крестьянской войны.

Поэтичен и трогателен записанный Пушкиным рассказ ее о казачке Разиной, разыскивающей сына среди погибших в сражении под Татищевой 22 марта 1774 г. «Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибревши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, переворачивала их и приговаривала: — Ты ли, Степушка*, ты ли, мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет? — Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала».

И. А. Бунтова, жившая в молодости в Нижнеозерной, рассказала и о том, что помнила и слышала о событиях, связанных с пребыванием Пугачева в этой крепости: «Он (Пугачев — ЮЗ.) сидел между двумя казачками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. — У Пугачева рука лежала

* Архивные разыскания, предпринятые С. А. Поповым и Р. В. Овчинниковым, позволили установить реальное существование Степана Андреевича Разина.

на колене — подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку». Этот рассказ почти дословно включен Пушкиным в «Историю Пугачева».

Яркими деталями наполнен рассказ Бунтовой о поражении пугачевцев в сражении под Татищевой крепостью 22 марта 1774 г.: «Когда под Татищевой разбили Пугачева, то яицких казаков прискакало в Озерную израненных — кто без руки, кто с разрубленной головою, — человек 12, кинулись в избу Бунтихи. — Давай, старуха рубашек, полотенец, тряпья — и стали драть да перевязывать друг у друга раны. — Старики выгнали их дубьем. А гусары голицинские и Хорвата — **так и ржут по улицам, да мясничают их** (подчеркнуто Пушкиным — Ю. З.)... Когда прибежал он (Пугачев — Ю. З.) из Татищевой, то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинилось. Вино хлынуло по улице рекою. Оренбуржцы после него ограбили жителей (Берды — Ю. З.)».

Записал Пушкин и такие любопытные подробности: «Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги»; «Пугачев в Яицке сватался за ..., но она не пошла. — Устинью Кузнцову взял насильно, отец и мать не хотели ее выдавать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем».

Пребывание в Бердах и услышанное здесь от Бунтовой, безусловно, помогли Пушкину глубже понять отношение народа к Пугачеву и поднятому им восстанию.

20 сентября — как полагают, утром — Пушкин покинул Оренбург и отправился в Уральск. Погода стояла сухая и солнечная, благоприятствующая путешествию. Поэтому расстояние в 260 верст удалось преодолеть за сутки с небольшим (почте на этот путь требовалось чуть более 30 часов)⁴. Он проехал через Чернореченскую, Рычковский хутор, Татищеву, Нижнеозерную, Рассыпную, Мухрановский хутор, Студеный, Кинделинский, Иртекский, Кирсановский, Январцевский, Рубежинский, Пниловский форпосты и прибыл в Уральск. В Илецком казачьем городке, как считает С. А. Попов, тщательно изучивший маршрут путешествия, Пушкин не был. А вот в Нижнеозерной он сделал остановку, имел встречу и беседу с местными старожилками.

В Нижнеозерной тогда, отмечает Р. В. Овчинников, «не было, пожалуй, ни одной семьи, в которой не сохранились бы предания о Пугачевском восстании». Со слов 65-летнего казака И. С. Киселева Пушкин записал рассказ о взятии этой крепости повстанцами в сентябре 1773 г., о гибели коменданта Захара Харлова: «Из Озерной Харлов выслал жену свою (за) 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и добро спрятал в подвале у Киселева... Пугачева пошли казаки встречать за 10 верст. Харлов (хмельной) остался с малым числом гарнизонных солдат». Когда начался штурм крепости, «Харлов приказывал стрелять — никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю. — Потом подбежал и к другой пушке — но в сие время бунтовщики ворвались. Харлова поймали и изранили. Вышебленный ударом копья глаз у него висел на щеке. Он думал откупиться и повел казаков к избе Киселева. Кум, дай мне 40 рублей, сказал он. Хозяйка все у меня увезла в Оренбург. Киселев смутился. Казаки разграбили имущество Харлова. Дочь Киселева упала в ноги, говоря: «Государь, я невеста, это сундук мой. Казаки его не тронут, потом повели Харлова и с ним 6 человек вешать в степь. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взшел на лестницу, спросил равнодушно: какую петлю надевать? Надевай, какую хочешь, отвечали казаки — (не видел я сам, а говорили другие, будто бы он тут перекрестился)».

23 сентября Пушкин выехал из Уральска в свое нижегородское имение Болдино, горя нетерпением поскорее приняться за работу...

К концу года «История Пугачева» была завершена и представлена на «высочайшее рассмотрение». В объяснении того, почему он создал не художественное произведение, а научно-исторический труд, Пушкин писал: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева; но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю пугачевщины... Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать. По крайней мере, я по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей...».

Царь разрешил публикацию «Истории Пугачева», правда, под названием «История Пугачевского бунта» и с учетом его замечаний (Николай I сделал в рукописи 23 собственноручных пометки). В конце 1834 г. «История...» вышла тиражом в 3 тыс. экземпляров в двух частях, из которых вторая часть содержала приложения: «Летопись» Рычкова, мемуары современников, походные журналы и другие документы.

«ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА»

Пушкинская книга о пугачевском восстании была фактически первым историческим исследованием на эту тему. Она положила начало историографическому изучению крестьянской войны 1773-1775 гг., причем освещала ее с демократических позиций. Впервые в русской исторической науке, пишет Р. В. Овчинников, темой исследования было избрано стихийное народное выступление...

Важнейшим достоинством пушкинского исследования была основательная источниковая база. Пушкин привлек всю имеющуюся отечественную и зарубежную литературу по этой теме, многие рукописные материалы, в т. ч. рукопись П. И. Рычкова «Описание шестимесячной осады Оренбурга» (Пушкин именовал ее «Летописью Рычкова»), воспоминания очевидцев П. Любарского, И. Осипова, И. Полянского и др., письма, документы из личных архивов, устные предания и т. п. Он первым из исследователей заинтересовался архивными документами о пугачевском восстании, и работал над ними с огромным интересом и очень интенсивно. По подсчетам Р. В. Овчинникова, за полторы недели (с 25 февраля по 8 марта 1833 г.) Пушкин внес в свои тетради выписки, копии, конспекты, заметки из более чем 120 документов. Из восьми томов («книг») материалов, полученных в конце марта 1833 г. из московского отделения архива Инспекторского департамента, Пушкин зафиксировал около 200 документов. Таким образом, пушкинская монография примерно на 80 процентов построена на использовании архивных документов.

В отборе, оценке и использовании исторического материала при изложении событий Пушкин был неизменно добросовестен. Это он подчеркивал в предисловии: «Буду»

Медные старообрядческие кресты, которыми Пугачёв награждал своих отличившихся приверженцев

щий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно, несовершенный, но добросовестный.

Несколько позднее, в сентябре 1835 г., он так оценивал итоги и результаты своей работы: «Я прочел со вниманием все, что было написано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов... разных рукописей, указов, доносений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикой».

В обширной литературе, посвященной поездке А. С. Пушкина в Оренбургскую губернию и его работе над «Историей Пугачева», по-разному рассматривался вопрос о том, занимался ли Пушкин в Оренбургском архиве. Многие авторы (П. Г. Сафинов, А. Чхеидзе, Р. В. Овчинников, С. Е. Сорокина и др.) отвечают на него отрицательно. Действительно, за те двое суток, что поэт провел в Оренбурге, он не только не мог съездить в Ташлу к Тимашеву (120 верст от Оренбурга), как совершенно безосновательно утверждают некоторые, но и не имел возможности заняться поиском и изучением «пугачевских» документов в архиве Оренбургской пограничной комиссии, где тогда хранились 13 объемистых «книг» с документами Оренбургской губернской канцелярии за 1773-1775 гг. В лучшем случае Пушкин мог лишь бегло ознакомиться с некоторыми «пугачевскими» материалами, причем эти материалы во многом дублировали те, которые он уже знал и изучал еще до поездки в Оренбург. «Кратковременность пребывания в Оренбурге, — заключает Р. В. Овчинников, — не позволила Пушкину более внимательно изучить местный архив и извлечь из него некоторые ценные документы, которые он мог бы, наряду с рассказами очевидцев и местными фольклорными материалами, использовать при доработке «Истории Пугачева».

Пушкинский труд назван «Историей Пугачева», но его содержание шире, чем просто рассказ о Пугачеве, он дает характеристику того времени, предысторию и причины восстания, раскрывает его ход и последствия, влияние на общество.

Мортира и чугунные ядра к ней
времен Крестьянской войны 1773-1775 гг.

Теперь обратимся к тексту этого труда и посмотрим, какой материал он даст по истории нашего края, ставшего колыбелью и ареной крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

«История...» начинается описанием Яика, реки, на которой обосновались яицкие казаки, приводится поэтическое предание о начале Яицкого казачьего войска, сообщаются сведения о жизни и быте казаков, их походах, атаманах, отношениях с властями.

Недовольные удержанием жалования, самовольными налогами, нарушением старинных прав и обычаев рыбной ловли, яицкие казаки обращались с жалобами к властям, но удовлетворения не получали. Напротив, притеснения усиливались, последовали репрессии. В конце концов, в январе 1772 г. (в «Истории Пугачева» ошибочно указан 1771 г.) на Яике вспыхнуло восстание «во всей своей силе».

Пушкин скупими, но точными и яркими мазками рисует картину восстания яицких казаков и его подавления: «В Оренбурге учредилась следственная комиссия под предводительством полковника Неронова. Множество мятежников было туда отправлено. В тюрьмах не доставало места. Их рассадил по лавкам Гостинного и Менowego дворов. Прежнее казачье правление было уничтожено».

Яицкое восстание, как справедливо полагал Пушкин, явилось непосредственным предвестником и прологом крестьянской войны. И именно ей, ее первому оренбургскому этапу посвящена половина всей работы (четыре главы из восьми: вторая, третья, четвертая и пятая).

Говоря о продвижении пугачевцев после неудачной попытки взять Яицкий городок (Уральск) вверх по Яику к Оренбургу и овладении встречавшимися на пути крепостями, Пушкин дает в примечаниях сведения об этих селениях. При этом он замечает, что «крепости в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ».

Об Илецком казачьем городке в примечании читаем: «Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга. В нем находилось до 300 казаков. Илецкие казаки были тут поселены статским советником Кириловым, образователем Оренбургской губернии». Первopоселенцами Илецкого городка были украинские казаки («черкасы») во главе с Иваном Изюмским и Андреем Черкасовым. Несколько позднее здесь поселились яицкие казаки и беглые крестьяне.

О крепости Рассыпной Пушкин сообщает такую характерную деталь: «Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизы вброд через Яик». Любопытно отметить, что спустя почти 200 лет со времени восстания, в 1971 г., в ходе краеведческой экспедиции Оренбургского педагогического института и областного отделения ВООПИК по маршруту движения Пугачева, в современном селе Рассыпном нами со слов 80-летнего А. Л. Боборыкина было записано предание о том, что в старину на крепость часто делали набег степняки-кочевники, стремясь захватить людей в плен. Поэтому жители выезжали на сенокос, пахоту и другие работы не поодиночке, а только группами и с оружием в руках. Чтобы знать, не перебрались ли киргизы (казахи) на эту сторону Яика, казаки протягивали через дороги и тропы нити из тонких талов: если нити оказывались по-

вреждены, значит, степняки где-то близко, скрываются в прибрежных лесах.

Реальность этого рассказа подтверждается тем, что в начале XIX в. при оренбургском губернаторе Г. С. Волконском была возобновлена практика ставить так называемые «симы», т. е. заграждения из тонких прутьев тальника, которые, будучи воткнуты в землю и связаны верхушками, образовывали род изгороди для обнаружения «киргизского прорыва» через пограничную линию на берегу Урала.

В Рассыпном, сохраняющем и ныне первоначальную планировку в старой части села, называемой «крепостью», мы записали еще одно интересное предание — о Поповой балке. Его поведал нам местный житель М. М. Широкоштанов: «В то время на месте теперешнего клуба стояла церковь, а через дорогу был дом попа. Когда Пугачев с войсками вошел в станицу, то поп перетащил на подловку своего дома пистолет, коробку с патронами и засел там. Как только Пугачев появился, а он ехал на белом красивом скакуне и его черная борода на фоне белого выделялась еще ярче, поп выстрелил, но промахнулся. Рассердился Емельян, повернулся к войску и приказал оценить дом и поймать непокорного попа живым. Верные Пугачеву казаки быстро все устроили и представили попа своему атаману. Емельян Пугачев приказал этим же казакам повесить его на огромном осокоре, что стоит неподалеку от Рассыпной в балке. Это дерево было хорошо видно, когда подъезжаешь к станице со стороны Илека. Казаки повесили попа, старосте села Пугачев приказал не снимать казненного, пока тот не высохнет совсем.

Так и висел поп зиму и осень, пока не прогнила веревка и труп упал на землю. С тех пор и зовется та балка Поповой...»

Предание имеет в основе реальное событие. В приложении к «Истории...» Пушкиным помещено «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцев и бунтовщиков Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено божьих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в каких местах». В этом документе находим, что в крепости Рассыпной

среди 18 человек, убитых повстанцами, был и местный священник (имя не указано)...

Характеризуя крепость Нижнеозерную, взятую Пугачевым 26 сентября 1773 г. вслед за Рассыпной, Пушкин сообщает, что она находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга, выстроена на высоком берегу Яика. Он приводит и слова из солдатской песни:

*Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.*

Народные известия и предания, записанные в ходе оренбургской поездки, Пушкин широко использовал при описании взятия Нижнеозерной Пугачевым: «Утром Пугачев показался перед крепостию. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, сказал ему старый казак: неравно из пушки убьют». — «Старый ты человек, отвечал самозванец: разве пушки льются на царей?» Этот сюжет был записан в Нижнеозерной со слов старожилов. Очевидно, поэт-историк считал вполне возможным доверять народной памяти, запечатлевшей яркие и характерные детали, которых не найдешь в официальных исторических документах.

Устно-народный материал оживлял изложение, придавал ему элементы художественного повествования, не снижая научный уровень работы.

Столь же ярко, с использованием характерных деталей, описывает Пушкин взятие и других крепостей и селений: Татищевой, Чернореченской, Каргалинской слободы, Сакмарского городка. И завершает главу (вторую) таким выводом: «Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы, и более двадцати пушек. Семь крепостей были им взяты, или сдались ему. Войско его с часу-на-час умножалось неимоверно. Он решился пользоваться счастьем, и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу».

Центральное место во всей «Истории...» занимает описание осады Оренбурга (главы третья, четвертая, пятая). И тут бросается в глаза обстоятельная, порой детализирован-

ная до мельчайших, но характерных подробностей историко-географическая, пространственная локализация описываемых событий. Используя труд П. И. Рычкова «Топография Оренбургская» и другие источники, Пушкин в примечаниях характеризует административно-территориальное деление Оренбургской губернии, дает немало историко-географических сведений об Оренбурге. Подступая к городу, отмечает автор, 5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Повстанцы установили свои батареи на паперти Георгиевской церкви в казачьем предместье форштадт, в загородном губернаторском доме, на высокой земляной мишине, находившейся в версте от города с восточной стороны. Говоря о том, что пугачевцы 8 октября выехали грабить Меновой двор, находившийся в трех верстах от города, Пушкин в примечании дает сжатую, но емкую его характеристику: «Меновой двор, на котором с азиатскими народами, чрез всё лето до самой осени, торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоемное. В нем находится пограничная таможня; лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140. Внутри же построен особый двор для азиатских купцов с 98 лавками и 8 анбарами. В 1762 году полавочных денег взималось 4854 рубля. Меновой двор укреплен батареями». Тут же дается ссылка на источник: «Топографию Рычкова».

Чтобы полнее и зримее представить острую борьбу за Оренбург, Пушкин сообщает сведения не только о соотношении сил и действиях осаждающих и осаждаемых, но и о состоянии погоды: «Осенняя стужа настала ранее обыкновенного. С 14 октября началось уже морозы; 16-го выпал снег». Однако, «несмотря на стужу и метель», артиллерийский огонь на следующий день возобновился. В ноябре «стужа усилилась», и 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел из своего лагеря в Бердскую слободу.

Историко-географические сведения приводятся в «Истории Пугачева» по многим населенным пунктам: Бердской, Орской, Тощкой, Сорочинской, Новосергиевской, Пе-

революцкой крепостям, Сакмарскому казачьему городку, Сеитовой (Каргалинской) слободе, Илецкой защите, Зелаирской крепости, деревни Юзеевой, некоторым горным заводам. Одни из них краткие, лаконичные (местоположение и расстояние в верстах от Оренбурга), другие — более обстоятельные. Так, например, сравнительно подробно описана (на основе «Топографии...» Рычкова) Илецкая защита: ее местоположение, история возникновения, укрепления, гарнизон, добывание и поставка соли, численность работающих.

Находим в пушкинских примечаниях и толкование ряда топонимических названий (селений, крепостей и пр.), и множество любопытных деталей, почерпнутых им в различных источниках. Вот одна из них: Бердскую слободу пугачевцы в шутку называли Москвою, Каргалинскую — Петербургом, а Сакмарский городок — Киевом.

Сосредоточив внимание на событиях начального, оренбургского этапа, Пушкин тем самым как бы подчеркивал его особое значение для развертывания и дальнейшего хода крестьянской войны.

В то время, когда в литературе и в исторической науке преобладало официально-очернительское, отрицательное отношение к восстанию Пугачева, рассматривавшемуся лишь как разбойный бунт, мятеж яицких казаков, увлекших за собою «чернь», Пушкин приблизился к пониманию глубинных причин народного восстания и его движущих сил. В самом начале третьей главы, прежде чем перейти к описанию военных действий под Оренбургом, он произносит многозначительную, полную сдержанной тревоги фразу: «Оренбургские дела принимали худой оборот». И поясняет, что в борьбу втягивались не только казаки, но и башкиры, и калмыки, а «мордва, чувашы, черемисы перестали повиноваться русскому начальству». Очень важно указание автора на то, что уже на первом этапе в борьбу включались и помещичьи крестьяне: «Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание». Иными словами, Пушкин видел, что пугачевское восстание быстро приобретало освободительную, антикре-

постническую направленность, становясь поистине крестьянской войной.

Несколько позднее, в «Замечаниях о бунте», представленных Николаю I как пояснение отдельных моментов «Истории Пугачева», Пушкин еще более четко высказался по поводу народного характера восстания: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».

В «Истории Пугачева» — сотни имен и действующих лиц, но центральной фигурой, разумеется, является Пугачев: сообщаются сведения о его жизни, появлении на Яике («по казацким дворам шатался неизвестный бродяга»), начале его самозванства, описывается внешность, отмечаются волевой характер, отвага, удаля, способность к военному делу, и в то же время — жестокость, безграмотность, зависимость от верхушки яицкого казачества.

Несмотря на использование в тексте общепринятой тогда терминологии («злодей», «бунтовщик»), Пушкин был далек от слепого неприятия пугачевского восстания, называл его предводителя «славным мятежником», «моим героем», «моим Пугачевым», а себя — «летописцем Пугачева».

Перед читателем «Истории...» проходят и ближайшие сподвижники Пугачева: каторжник Афанасий Хлопуша, сотник оренбургских казаков депутат Уложенной комиссии Тимофей Подуров, руководитель повстанческими силами под Уфой Иван Зарубин (Чика), башкир Салават Юлаев, череда «полковников» и атаманов. Но если об этих людях автор повествует с некоторой долей сочувствия, то представители правительственной и в особенности губернской администрации освещаются зачастую в ином ключе: нерешителен, растерян, часто беспомощен оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, с самого начала осады решивший действовать «оборонительно»; терпит поражение (9 ноября) генерал-майор В. А. Кар, назначенный главнокомандующим карательными войсками: услышав первые четыре дальних пушечных выстрела повстанцев, пишет Пушкин, «он испугался и поспешно начал отступать»...

Однако на место отстраненного Кара императрица Екатерина II ставит генерал-аншефа А. И. Бибикова, которого Пушкин называет «замечательным лицом екатерининс-

кого времени», движутся к Оренбургу отряды генерал-майора князя П. М. Голицына, и 22 марта 1774 г. разыгрывается под Татищевой решающее сражение, закончившееся победой правительственных войск. А поражение под Сакмарским городком (1 апреля) вынуждает Пугачева снять осаду Оренбурга и с остатками сил уйти в Башкирию. На этом завершается первый этап восстания. Но само оно продолжалось, переместившись на территории Южного Урала и Среднего Поволжья. Тут Пушкин фактически первым подошел к проблеме периодизации крестьянской войны, правда, последующие события он изложил более сжато, отведя им три заключительных главы.

Оценивая значение пугачевского восстания, Пушкин сознавал, что оно поколебало государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов. Но в «Замечаниях о бунте» он пишет: «Нет худа без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерний».

Болдинская осень 1833 г. оказалась для поэта столь же плодотворной, как и знаменитая осень 1830 г. Им были созданы «Медный всадник», «Андрело», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне», переведены баллады Мицкевича...

К ноябрю была завершена и подготовлена к печати «История Пугачева», которую автор в предисловии скромно поименовал «историческим отрывком».

Публикация монографии по теме, бывшей тогда запретной, стала крупным событием в общественной жизни и отечественной историографии. Великий русский критик Белинский назвал ее «образцовым произведением со стороны исторической и со стороны слога». Благожелательно отзывались о книге историк М. Погодин, А. Воейков, Е. Розен, О. Сенковский. Но нашлось и немало хулителей во главе с министром народного просвещения, президентом Академии наук графом С. С. Уваровым. Пушкин записал в дневнике: «В публике бранят моего Пугачева, а еще хуже — не покупают. Уваров — большой подлец. Он кричит о моей книге, как о возмутительном сочинении». Объясняя такое отношение правящих кругов к «Истории Пугачева», поэт И. И. Дмитриев писал Пушкину,

что эти люди «дивились, как Вы смели напомнить о том, что некогда было предано забвению». И затем сочувственно добавлял, что без этой работы «осталась бы прореха в русской истории».

Закреть эту «прореху» была призвана и повесть «Капитанская дочка», опубликованная несколько позднее, в 1836 г., — здесь образ «славного мятежника» дан еще в более сочувственных и привлекательных тонах.

ВСЛЕД ЗА ПУШКИНЫМ

Поездка Пушкина по «пугачевским» местам, его научные и художественные работы на эту тему способствовали оживлению интереса к пугачевскому восстанию. Вслед за Пушкиным «пугачевская» тема сперва робко, а затем все более заметно стала утверждаться в научной и художественной литературе, что свидетельствовало о растущем интересе общественности к «мятежным», приобретающим черты злободневности страницам отечественной истории.

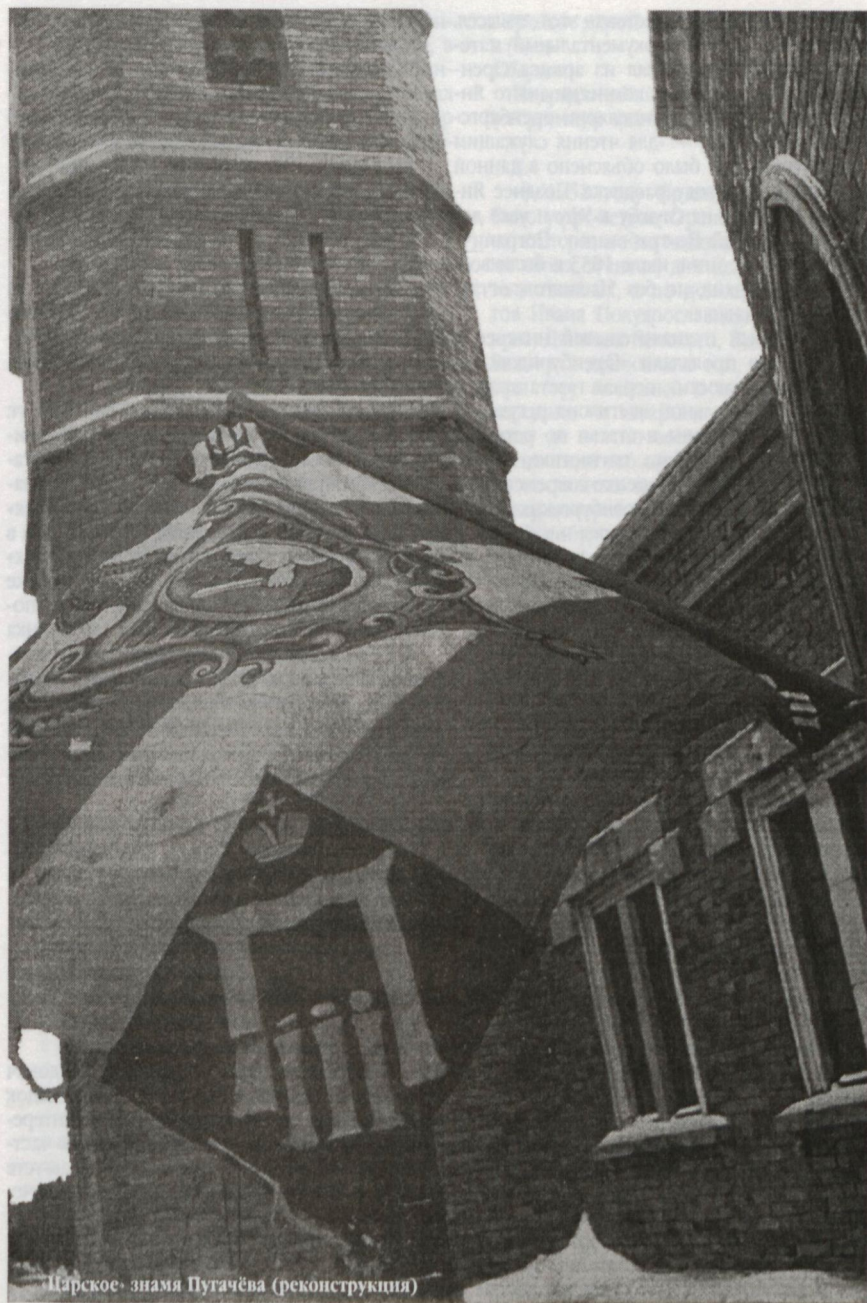
Особенно активную роль в разработке «пугачевской» темы в литературе и краеведении сыграли оренбуржцы. Еще в 20-е гг. XIX в. оренбургские литераторы Петр Кудряшёв и Александр Крюков создали ряд произведений на «пугачевскую» тему.

В повести в стихах П. Кудряшёва «Мятежник Пугачев», опубликованной уже после смерти автора в 1833 г., облик предводителя народного восстания рисуется в сочувственных тонах:

*Его природа полюбила
И при рождении наградила —
Прекрасным мужеским лицом,
Высоким станом, гибким, стройным,
И взором озенным, проворным,
И пронизательным умом...*

А небольшая повесть А. Крюкова «Рассказ моей бабушки» была известна Пушкину и послужила отправной точкой для написания им «Капитанской дочки».

За год до приезда Пушкина, в октябре 1832 г., оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен, человек образованный и деятельный, поручил титулярному советнику Жуковскому запросить из Верхнеуральского архива «разные старинные манускрипты и переписку» о Пугачеве. Не исключено, что Сухтелен намеревался написать работу по истории восстания, но скорая (в 1833 г.)

Царское знамя Пугачёва (реконструкция)

смерть помешала осуществить этот замысел.

Тогда же богатый документальный материал (шесть томов) взял из архива Оренбургской пограничной комиссии некто Янченко, служивший в канцелярии оренбургского губернатора, — «для чтения служащим канцелярии», как было объяснено в данной им по этому поводу расписке. Позднее Янченко переехал на службу в Уфу и увез документы с собой. По требованию Пограничной комиссии они в июле 1833 г. были возвращены в архив, но без 50 листов, оставшихся у Янченко.

Постоянный и значительный интерес к краеведению проявляли «Оренбургские губернские ведомости», первая газета края. В своей неофициальной части она регулярно помещала материалы и статьи по истории, географии, этнографии, статистике, экономике Оренбуржья. По оценке современника, неофициальная часть «Оренбургских губернских ведомостей», начавшая выходить в 1843 г., всего через несколько лет, в 50-е гг. XIX в., представляла собой «редкое, почти беспримерное явление в провинциальной литературе; дельностью и серьезностью своих статей это издание сделало в 1853 году учено-литературным; статьи этого издания и теперь могли быть украшением лучшего журнала». В этом — заслуга таких исследователей, как Я. В. Ханьков, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Завьялов, Д. Самарин и др.

Поэтому вполне закономерным было появление в «Оренбургских губернских ведомостях» и «пугачевских» материалов. В 1847 г. в № 4 появилась небольшая заметка о башкирском сподвижнике Пугачева Салавате Юлаеве: «Салават Юлаев — башкирец Шайтан-Кудейской волости». В том же году газета опубликовала материал об осаде Уфы во время «пугачевского бунта» и статью краеведа В. С. Юматова (№№ 15-18) «Мысли об истории Оренбургского края», автор которой не обошел и события пугачевского восстания. И вообще надо заметить, что с того времени становится как бы правилом, традицией в любой публикации историко-краеведческого характера касаться и «пугачевских» событий. Это относится и к «Хронологическому обзору достопамятных событий в пределах нынешней Оренбургской губернии» (1848, № 39), и к «Сказанию о Бузулуке» К. Ивлентьева (1850, №№ 41, 42), и к

«Воспоминаниям жителя города Уфы о Пугачевском бунте» В-кого (1851, № 51).

Но наиболее значительной за все дореформенные годы и имеющей подлинное научное значение в качестве исторического источника была публикация (в четырнадцати номерах «Оренбургских губернских ведомостей») архивных документов под общим названием «Материалы для истории Пугачевского бунта», осуществленная М. Н. Ястребовым* в 1851-1852 гг.

А всего за шесть лет (с 1847 по 1852 гг.) не менее чем в 30 ее номерах помещались разного рода материалы (в основном, мемуары и архивные разыскания), касающиеся пугачевского восстания.

Эта тенденция сохранялась и в 60-70-е гг. XIX в., в чем убеждает сам перечень публикаций тех лет: «Извлечение из дел о Пугачевском бунте» (1865, №№ 9, 10), «Материалы для истории Пугачевского восстания» (1868, № 33)... Особо ценны напечатанные в «Оренбургских губернских ведомостях» (1869, №№ 26-28) и в «Справочной книжке Оренбургской губернии на 1870 год» воспоминания очевидца событий поручика А. Е. Поспелова «Пугачевский бунт», содержащие описание хода восстания от его зарождения до подавления. Воспоминания эти, содержащие в своих четырех главах ценный фактический материал, не были, по мнению редакции, известны историкам «пугачевщины» Пушкину и Мордовцеву.

В этих же изданиях оренбургский краевед Николай Акимович Середа, занимавший некоторое время пост городского головы, в 1869 г. поместил свое исследование «Истеская провинция во время Пугачевского бунта», в котором привел текст одного из пугачевских манифестов. «Вольность, возмещавшаяся в манифестах Пугачева, — писал Н. А. Середа, — кружила головы простого народа, крестьяне и рабочие были очарованы ею».

Писатель-демократ Филипп Диомидович Нефедов, совершивший несколько поездок по Оренбургскому краю, глубоко заинтересовался его археологией и историей, в частности, Пугачевым и пугачевцами. В августе 1870 г. ему были высланы из Уфы извлече-

* Ястребов Матвей Никифорович (1826-1853) — преподаватель истории и географии Челябинского уездного училища. За свою короткую жизнь проявил себя умелым педагогом и увлеченным краеведом.

ния из дела Уфимской провинциальной канцелярии о «Пугачевском бунте». Позднее, в 1880 г. на основе этих документов и собранного фольклора Ф. Д. Нефедов написал большой очерк «Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр».

«Пугачевская» тема широко проходит и в работах Р. Г. Игнатьева, В. Н. Витевского, И. С. Шукшинцева.

В советское время практически ни один из оренбургских историков-краеведов, разрабатывающих дореволюционную историю Оренбуржья, не прошел мимо названной темы. Особенно плодотворно изучением крестьянской войны 1773-1775 гг. занимались А. Ф. Рязанов, П. Е. Матвиевский, С. А. Попов.

Большое значение для активизации научных и краеведческих разработок истории восстания под предводительством Пугачева имели научные конференции, проведенные в 1973 г. в Оренбурге, Уфе, Волгограде, Москве в связи с 200-летием этого события, и изданные ими материалы. Самыми новейшими работами по этой теме являются монографии и статьи Р. В. Овчинникова, И. М. Пвоздиковой, М. Г. Рахимкулова, В. В. Сидорова.

Таким образом, начиная от Рычкова и Пушкина и вплоть до наших дней, «пугачевская» проблематика занимала и занимает важное место как в оренбургском краеведении, так и во всей отечественной историографии.

Приложения

1.

Паромный перевоз через Сакмару под горою Маяк с 1833 по 1836 гг. был взят по подряду (по контракту) оренбургским мещанином Петром Любимовым.

Плата за перевоз:

с развездных казаков никакой платы не брать

в один конец с пешего человека — 1 коп.

с лошади верховой с проводником — 2 коп.

с порожней телеги с лошастью — 4 коп.

с телеги с возом — 5 коп.

с воловой фуры с кладью и двумя волами — 10 коп.

с воловой порожней фуры — 6 коп.

с дорожной повозки парой — 10 коп.

с дорожной повозки тройкой — 15 коп.

с коляски двухместной — 25 коп.

с четырехместной кареты — 50 коп.

с дрожжек парой и тройкой — 10 коп.

с быка — 2 коп.

с барана — 0,5 коп.

Подрядчик Любимов должен был платить в городскую казну ежегодно по 350 рублей.

Ю. С. Зобов

2.

«В 1752 году Правительство озабочено было устройством Оренбургской почты, но на этот раз не по жалобам и представлениям своих агентов, для целей чисто Правительственных, а по доношению фабрикантов Ивана Полуярославцева, Андрея Евренова, Даниила Земского, Василия Макарова. Люди эти доносили о том, что в Оренбурге стал торг не малый и мены с азиатскими народами на товары и скот не малые, а по указу де велено вести торг и в Троицкой крепости, и что они просят, чтобы от них и от посланных их письма принимать за ту плату, которая будет установлена от столиц до Оренбурга и Троицка.

Купцы-фабриканты просили о том ямскую канцелярию. По этому поводу ямская канцелярия представила Сенату, чтобы не только от одних фабрикантов, но и от всех партикулярных людей принимались письма на почту и не только по тракту в Оренбург, но и по всем трактам, где почты имеются, а именно по Астраханскому, Сибирскому, Белогородскому, Киевскому и Смоленскому тракту.

Плата была установлена общая по одной деньге с золотника. Но Оренбургская губернская канцелярия представляла о том, чтобы для пользы торгующих в Оренбурге и для сношения их со всеми другими городами следовало бы учинить особое почтовое учреждение. На это ямская канцелярия не согласилась, указывая, что почта учрежденная к другим городам Российского государства должна служить и Оренбургу. Для этого достаточно Сенату послать указы в ямскую канцелярию и Московский и Санкт-Петербургский почтамты о том, чтобы везде на почтовых дворах принимая письма в Оренбург с платежом весовых денег в Оренбурге и без удержания отсылать по адресу. Дозволялось принимать и посылки, но не иначе как обитые в холст или клеенку, с платою 5 коп. за фунт, а с пуда по 2 рубли.

Сенат дал такой указ и утвердил карту, приложенную Оренбургскою губернскою канцеляриею при доношении.

На карте была обозначена весовая плата до каждого места, а равно и дни недели, когда из Оренбурга отходит почта и куда именно. Потом однако же требованиям Оренбургской губернской канцелярии была сделана уступка, и по указу Сената ямская канцелярия вошла в соглашение с присланным от губернатора, Оренбургской губернии, тайного советника Неплюева, советником Петром Рычковым, в соглашение о платеже весовых денег за письма, а именно от Оренбурга до Качуйского фельдшанца по 2 копейки за золотник, а от одного до Казани по одной, от Казани до Москвы по четыре, итого по семи копейкам за золотник. По остальным трактам осталось по прежнему на 100 верст по деньге с золотника.

Из этого сложного указа по Оренбургскому делу видно, что купецкие письма не подлежали плате по 1 деньге с золотника, а по прежнему оплачивались особым платежом. Принимать их велено было только в почтамтах. Видно также, что Правительство заинтересовалось выгодами за пересылку писем и публиковало во всенародное известие о том, что «все партикулярные люди могут посылать письма и прошения и прочие дела по почте, а равно и посылки во все города Российской империи». О том велено было припечатывать и в календарях.

В Оренбургском крае по карте, или таблице Неплюева, было 5 почт: 1-я, на Сакмарск и Бугульминскую слободу и до Казани — на Качуйской фельдшанц, на 521 версту. 2-я, в Уфимскую провинцию сперва до Сакмарска, а потом в сторону на Уфу, Красноуфимск, Бирск до Мензелинска на 604 версты. 3-я, в Исетскую провинцию на Уйскую линию на 856 верст — до Эткульской линии. 4-я, по Яику до Гурьева и по Самаре до Сергиевска — первое направление на 743 версты, второе на 505 верст. 5-я, вверх по Яику до Магнитной на 523 версты...»

Хрущов И. П.

«Очерк ямских и почтовых учреждений от древних времен до царствования Екатерины II». С-Пб, 1884.

3.

Подуровы принадлежали к казакам, издревле заселившим и оберегавшим крепость

В оформлении материала использованы фото А. Чубарева (музей истории города Оренбурга) и рисунок В. Боброва

Самару от набегов хивинцев и границу России, пролежавшую тогда по реке Волге.

С начала образования в Оренбурге Оренбургского Нерегулярного казачьего корпуса по штату 1748 г. некоторые из Подуровых были зачислены в этот корпус на службу, в т. ч. и Тимофей Подуров, дослужившийся в корпусе до чина сотника. Он выделялся своим умственным развитием и редким знанием письма и чтения. Этим обратил на себя внимание, почему и был послан в 1767 г. в Москву в числе депутатов от войска в Комиссию по сочинению проекта Нового Уложения.

В эпоху Пугачевского бунта или «народного замешательства», как принято было называть в бумагах конца XVIII и нач. XIX в. Пугачевский бунт во избежание упоминания самого имени Самозванца, Тимофей Подуров в числе 150 оренбургских казаков перешел на сторону Пугачева, в то время, когда Пугачев 27 сентября осадил крепость Татищевскую. За это участие Т. Подуров и был казнен в Москве 10 января 1775 г. (в один день с Е. И. Пугачевым).

С. Н. Севастьянов

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ РЕВИЗСКИХ ДУШ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
ПО 7 И 8 РЕВИЗИИ 1834 ГОДА**

ЗВАНИЕ СОСТОЯНИЙ	ПО 7 РЕВИЗИИ СОСТОЯЛО ДУШ К 1 ЯНВАРЮ 1834	ПО 8-Й РЕВИЗИИ ОКАЗАЛОСЬ
1. Положенных в оклад		
Купцов всех трёх гильдий.	1537	2402
Мещан.	6187	8034
Дворовых людей.	8881	12881
Помещичьих крестьян.	58224	69944
Свободных хлебопашцев.	499	690
Однودворцев.	28334	66520
Их крестьян и дворовых людей.	—	11
Крестьян экономических.	11979	20269
-//- Государственных и Ясашных.	58974	91553
Черкас.	43	470
Войсковых обывателей.	—	2882
Казенных рассыльщиков.	19	33
Отписных и выморочных.	128	227
Пахатных солдат.	1070	1104
Некрещеных Чуваш и вотяков.	1949	2875
Старо- и новокрещен: Мордвы, Чуваш, Татар, Вотяков и Черемис.	55672	74000
Ясашных Татар и прежде отправлявших почтовую гоньбу и Мурз.	20759	28122
Служилых Татар и Лашман.	9735	13082
Торговых Татар.	192	310
Детей отставных солдат, освобожденных от платежа податей.	8495	12079
Тептярей.	69000	93503
Заводских крестьян и непременных работников.	20800	30287
Удельных крестьян.	19763	28314
ИТОГО	381348	559592
2. Состоящих нальгоде		
Мещан.	61	333
Государственных крестьян разнаго наименования.	445	5683
В тептярях.	16	17
Новокрещен из Киргиз, зачисленных в Мещеряки и башкирцы.	8	41
Киргиз некрещеных.	8	2
ИТОГО	538	6076
3. Неположенных в оклад		
Священно и церковно служителей.	1841	2956
Архиерейских служителей.	—	50
Отставных солдат.	2944	4629
Их детей, принадлежащих военному ведомству.	202	152
Казakov.	34735	53907
Их Чиновников.	83	1126
Башкирцев.	120844	172709
Их Чиновников.	124	530
Мещеряков.	26178	36708
Их Чиновников.	14	84
Каракалпак за помещиками.	216	28
Отставных почталионов.	—	9
Лишенных духовнаго звания, и отданных на пропитание родственникам.	—	2
Заводских мастеровых, находящихся при Златоустовских заводах.	—	12186
Приказно-служителей при тех же заводах	—	641
ИТОГО	187181	285717
А всего по губернии душ	569067	851385